

УДК 32.019.57

DOI: 10.34670/AR.2021.68.47.007

Спекуляция методами политики памяти экстремистскими элементами в российских социальных сетях

Медушевский Николай Андреевич

Доктор политических наук,
профессор кафедры культуры мира и демократии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, 6;
e-mail: Lucky5659@yandex.ru

Ткаченко Татьяна Валерьевна

Студент,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, 6;
e-mail: Arspersone@mail.ru

Аннотация

Политика памяти в современной политической риторике имеет стратегическое значение. Развитие и широкое применение инструментов политики памяти властными структурами вызваны государственными целями. Историческая политика в качестве интерпретации прошлого позволяет влиять на современный политический процесс, создавая прочный фундамент для реализации управленческих решений. Государственные структуры имеют широкий спектр возможных реализаций, однако в современном информационном сообществе большую эффективность предоставляет глобальная сеть. Во время высокого технологичного развития информационная сфера становится базисом для коммуникации внутри гражданского общества. Этому способствует всепроникающая функция Интернета. Интеграция онлайн-коммуникаций не только на конкретных страницах, но и среди социальных сетей позволяет создавать новый уровень публичной политики, так как это способствует мгновенному информационному обмену между людьми. Однако государственные структуры до сих пор не выработали единую стратегию взаимодействия в рамках политики памяти, в отличие от общественных организаций и объединений, создаваемых рядовыми пользователями. Особое внимание в данной статье уделяется деятельности экстремистских организаций и акторов на онлайн-площадках в рамках политики памяти. Специфика сетевого взаимодействия позволяет им охватывать мажоритарный процент интернет-аудитории, используя функциональные возможности Сети. Очевидно, что подобный процесс не остался без внимания государственных структур, поэтому происходят постоянный процесс контроля и введение ограничений на

информацию, распространяемую через социальные сети. Несмотря на данный факт, технология «слабых связей», на которой основана коммуникация онлайн-площадок, позволяет экстремистским единицам создавать новые «узлы», сохраняя инкогнито. В агитационной деятельности, в частности, происходит широкая спекуляция методами политики памяти для создания определенного круга единомышленников. Несмотря на то, что политику памяти принято считать одним из направлений государства или международных объединений для создания единства и интеграции, подобной технологией успешно пользуются радикальные акторы для продвижения конкретных взглядов и ценностной модели.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А., Ткаченко Т.В. Спекуляция методами политики памяти экстремистскими элементами в российских социальных сетях // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Том 10. № 4А. С. 50-59. DOI: 10.34670/AR.2021.68.47.007

Ключевые слова

Социальные сети, публичная политика, экстремизм, память, политика памяти.

Введение

Политика памяти – процесс интерпретации исторического прошлого государства. Механизм исторического регулирования является неотъемлемой частью политической реальности современности, ведь это позволяет государственным институтам обосновывать цели и стратегии внутренней политики, а также создавать определенную картину мира среди гражданского общества. Методы политики памяти в первую очередь реализуются в образовательной и культурной сфере, однако в последнее время они начали активно проникать в онлайн-среду.

Формирование политического дискурса на просторах Интернета в Российской Федерации не является совершенно новым явлением. Еще в 2011 г. развитие телекоммуникационных сетей было отмечено в качестве приоритетных направлений развития, утвержденных Президентом РФ. В годовом отчете за 2017 г. Министерства цифрового развития, связи и коммуникации РФ к ключевым достижениям по информационно-аналитическому сопровождению официальных сайтов и иных интернет-ресурсов Правительства РФ отнесли редакционную поддержку подготовки контента для страниц Правительства РФ в социальных сетях [Уточненный годовой отчет..., www], а значит, онлайн-площадки становятся новым базисом для публичной политики. Несмотря на это, к 2020 г. технологии сетевого взаимодействия между властью и гражданским обществом не были до сих пор классифицированы в единую систему, поэтому остаются слабым информационным каналом для государственных структур. Особый интерес, в сравнении с государственной деятельностью, представляет процесс транслирования сообщений радикальными группировками и акторами внутри социальных сетей, так как чаще всего в этом случае коммуникаторами являются рядовые пользователи онлайн-площадок, знающие на практике механизмы их работы.

Преимущества сетевого воздействия

Сетевые структуры коммуникации, т. е. социальные сети, весьма привлекательны для политического дискурса. Это связано в первую очередь с функциональным удобством онлайн-площадок, так как они предоставляют широкий спектр механизмов взаимодействия между коммуникаторами и реципиентами. Использование социальных сетей отдельными акторами позволяет осуществлять персональную коммуникацию с гражданами путем создания публичных страниц на различных интернет-площадках. В аккаунтах авторы транслируют политические сообщения, проводят опрос общественного мнения по тому или иному событию политической реальности, а также успешно реализуют пропаганду. В данном виде политической коммуникации информация исходит напрямую от политического актора, что исключает возможность появления «информационного шума». Еще одна особенность – размещение контента в неограниченном количестве и вне временных рамок. Данная характеристика позволяет проводить широкую политическую пропаганду с целью оказания воздействия на массовую аудиторию. Преимуществом подобной функции социальных сетей является возможность нацеливания на конкретную аудиторию в зависимости от поставленных задач. Использование социальной сети ВКонтакте предполагает коммуникацию с молодежью, использование определенных хештегов в сети Instagram позволяет классифицировать аудиторию по определенным политическим предрасположенностям. Онлайн-площадка видеохостинга YouTube дает перспективу широкого географического охвата благодаря инструментам таргетирования.

Процесс функционирования социальных сетей как определенного механизма политической коммуникации уже рассматривался в научном дискурсе. Например, М.Ю. Павлютенкова в статье «Роль и место социальных сетей в публичной политике» ссылается на теорию доминирования «слабых связей» и ее возможное применение к социальным сетям. Она была сформулирована М. Грановеттером, профессором Стэнфордского университета. Принцип «слабых связей» позволяет создавать сетевую структуру, по которой информация распространяется быстрее и на более дальний радиус, чем у замкнутой группы «сильных связей». Однако данный процесс зачастую не поддается полному контролю, поэтому охватывает огромную аудиторию, некоторым частям из которых эта информация не была направлена. Такая «вирусность» является эффективным инструментом для политических акторов при распространении нужной им политической информации [Павлютенкова, 2015].

Примерами инструментария социальных сетей могут быть аудио- и видеоматериалы, агитационные плакаты, песни, тексты различных форматов, технологии «заинтересованного взаимодействия», «вопрос – ответ», а также такой новый феномен, как интернет-мем.

Методы онлайн-деятельности экстремистских единиц в рамках политики памяти

Мы будем рассматривать социальные сети, которые являются наиболее популярными на территории Российской Федерации. Согласно статистике Mediascope, компании исследований на рынке медиа, популярнейшими социальными сетями в России являются YouTube, ВКонтакте и Instagram. Ключевыми показателями для создания рейтинга среди социальных платформ являются процент охвата и вовлеченность аудитории. Первый показатель, отраженный на рис. 1, демонстрирует количество уникальных пользователей каждой сети, т. е. его можно

отнести к качественному критерию. Второй, демонстрируемый на рис. 2, отражает частоту и длительность посещения онлайн-площадок аудиторией, т. е. количественные характеристики площадок. В статистике также учитывается посещение с различных современных девайсов.

Согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, экстремизм – приверженность к крайним взглядам и мерам. Мы будем акцентировать внимание на экстремистских элементах, т. е. акторах, группах, объединениях, которые придерживаются крайне радикальных взглядов. Основой экстремизма является агрессивность, наполненная каким-либо идейным содержанием (смыслом).

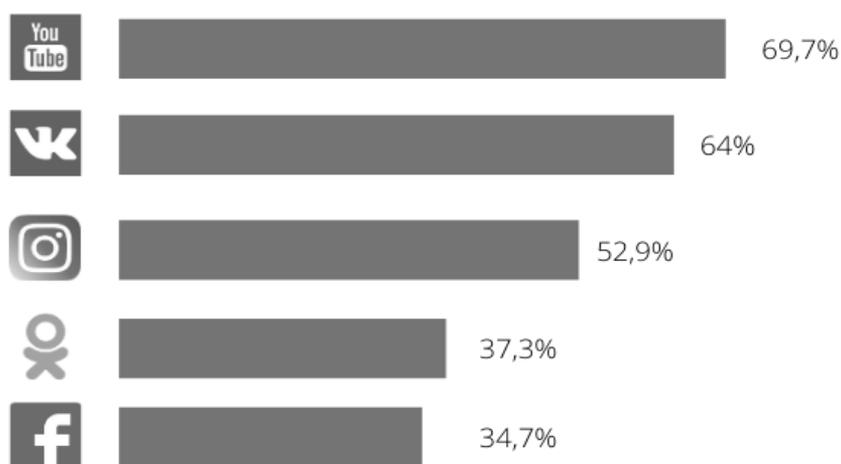

Рисунок 1 - Охват социальных сетей в Российской Федерации [Статистика..., www]

Рисунок 2 - Вовлеченность аудитории социальных сетей в Российской Федерации [Там же]

С помощью сетевого принципа коммуникации через социальные сети радикальные акторы распространяют ценностные ориентиры противозаконного содержания, что позволяет им

создать определенное интернет-сообщество несмотря на местонахождение, социальный статус и другие характеристики его участников. Формы экстремистской деятельности определены законодательством Российской Федерации (например, специфическое унижительное или ругательное наименование или определение какой-либо национальности, специфическая символика).

Несмотря на то, что распространение экстремистской информации является противозаконным, представители радикальных течений массово используют инструментальные возможности социальных сетей для пропаганды. На данный момент у обычного пользователя социальных площадок почти нет свободного доступа. Причиной этому служат попытки государственных структур проводить контролируемых мероприятий. Следовательно, экстремистские акторы избирают аудиторию с помощью инструментов таргетирования, а после добавляют в закрытые чаты, группы, сообщества или предлагают использовать методы обхода государственной блокировки. Несмотря на это, малочисленные группы еще находятся в свободном доступе, так как постоянное обновление контента социальных сетей не позволяет надзорным органам моментально реагировать.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ также распространяет свое действие на социальные сети, входящие в средства массовой информации. Согласно ст. 11 данного закона, в Российской Федерации запрещено распространение материалов с экстремистским содержанием, в том числе через средства массовой коммуникации, к которым относятся социальные сети. Примечательно, что, в отличие от других каналов, например телерадиовещания, Интернет вместе с площадками для коммуникации не выделяется отдельно. Однако органами МВД и ФСБ активно ведется работа по ограничению влияния радикальных идей в сетях. Достаточно взглянуть на Федеральный список экстремистских материалов, где представлен широкий спектр видов запрещенных материалов: видеоматериалы, текстовые документы, аудиозаписи, изображения с надписями и без надписей, комментарии. Общее число пунктов составляет 5119, а количество постановлений, связанных с социальными сетями, – 889, т. е. 17,37%. Первые дела реестра относятся еще к 2010 г., а за последние три года количество позиций постоянно увеличивается. Среди общего числа вынесенных судами решений лидером в процентном соотношении среди социальных сетей в рамках таких ограничений является ВКонтакте – 75,9%. Органы надзора проводят мониторинг и других платформ: YouTube – 20%; Одноклассники – 3,2%; Twitter – 0,6%; Facebook – 0,5%. Актов нарушений на платформе Instagram зафиксировано не было. Данная статистика была составлена на основе всего Федерального списка экстремистских материалов [Федеральный список..., www].

Анализируя полученные данные, можно прийти к выводу о том, что возможности социальных сетей активно используются радикальными элементами для воздействия на политическое сознание некоторых слоев населения. Тематика такого воздействия достаточно разносторонняя (например, религиозный экстремизм, ярко выраженные расизм и национализм, радикальный сепаратизм представителей казачества, негативное освещение конфликта между Ингушетией и Чечней, агрессивное отношение к иммигрантам). Не только материалы, но и сами блоги, такие как «KAVKAZ», «Сергей Правый», «Партизанский отряд Саратов», были также полностью заблокированы. Несмотря на это, невозможно утверждать, что в данный момент подобные группы совершенно нельзя найти на просторах социальных сетей. Примечательно, что многие группы с радикальными идеями маскируются под бытовую тематику, чтобы не привлекать внимания со стороны государственных структур.

Распространение подобных информационных единиц происходит в рамках методов политики памяти. Известно, что историческая память – важный атрибут в диалоге между гражданским обществом и властью. Если рассматривать ситуацию со стороны государственных структур, то происходит управление сформированными воспоминаниями граждан. Историческая память – восприятие обществом или группой своего прошлого в контексте взаимодействия с другими обществами или группами [Медушевский, 2020].

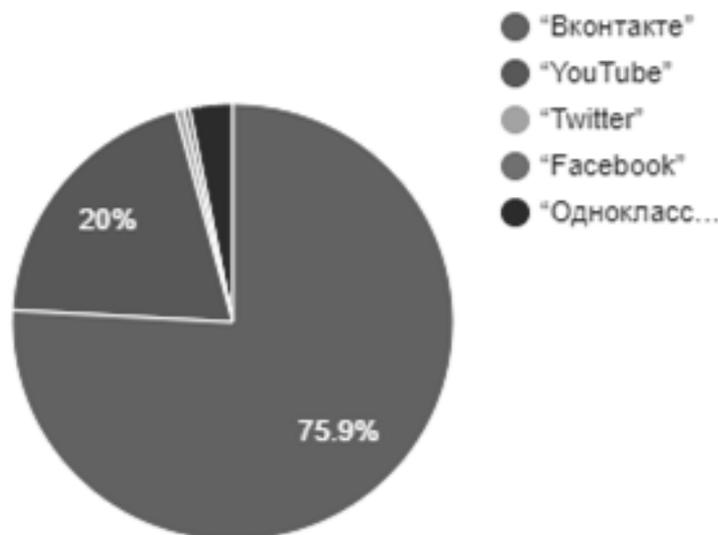

Рисунок 3 - Процентное соотношение экстремистских материалов в различных российских социальных сетях

Очевидно, что подобный феномен не может являться константой, а значит, становится привлекательным предметом для спекуляций. Со стороны государственных структур мероприятия в рамках политики памяти направлены на расширение интеграционных процессов (европейская практика [Там же, 21]) или создание народного единства (политика Российской Федерации [Там же, 22]). В противовес этому, трактовки истории, создаваемые через методы политики памяти радикальными объединениями, служат для разжигания межнациональной ненависти и обострения различных конфликтов. Смысловая нагрузка политических сообщений заключается в свободной трактовке истории определенной группы, обозначающей ее превосходство, а также манипулировании интерпретациями событий, что позволяет радикальным последователям продвигать якобы обоснование для своей агрессии.

Продвижение искусственно созданных истории, культуры и социальных ценностей в качестве приоритетных критериев превосходства одной группы над другой позволяет создать единую и прочную систему внутри радикальных систем благодаря осознанию общего единства. Тенденция крайнего абстрагирования от общего социума создает впечатление «исключительности» у рядовых пользователей и участников. Этому также способствует массовая пропаганда. Важно отметить, что конструирование исторической памяти внутри подобных сообщества происходит исходя из главных целей радикальных акторов, необходимости обоснования тех или иных взглядов, а также главенствующего признака «избранности» -(национальность, религия и т. д.).

Практические примеры спекуляции

Ярким примером обратной методологии политики памяти может служить трактовка сталинского периода экстремистскими группировками. Например, одним из методов концептуализации позитивного картины будущего в Европейском союзе являются восхваление либеральных и неолиберальных ценностей и отрицание исторического негатива, такого как нацизм или сталинизм [Там же, 103]. В данном случае мы имеем прямо противоположный механизм. Продвижение крайне радикальных правых идей, акцентирование внимания на негативных аспектах истории России в положительном контексте (например, поддержка советского антисемитизма подобным образом) оказывают влияние на самосознание общества, в том числе осмысление прошлого опыта. При попытках найти весомую аргументацию своей ценностной и ориентационной картины мира экстремистские группы массово продвигают собственную историческую «правду» в аудиторию социальных сетей. Подобный процесс позволяет создать интернет-сообщества единомышленников.

Особый интерес вызывают два аспекта манипулирования – религия и национальность. К первой категории можно отнести восхваление ИГИЛ (организация запрещена на территории РФ) и утверждение в качестве миссии восстановления исторической справедливости. Православная церковь также подвергается подобной риторике. Среди социальных сетей можно найти «настоящую историю» Православной церкви в семи частях, а также искажение исторического процесса секуляризации российской культуры в негативном контексте. Второй вопрос, касающийся национальности, направлен на разжигание ненависти между народами и пропаганду крайнего национализма. Это связано в первую очередь с возвышением «русской» нации, сопровождающемся песнями, видео, конференциями, коллажами и многим другим. В подобных материалах можно найти такие призывы, как «расовая верность», «Россия для русских», «Я русский – убей меня, жид» и т. д. На практике можно ознакомиться с не закрытой на данный момент группой «Тамбовские волки» [Тамбовские волки, www]. Разжигание межнациональной ненависти происходит путем оскорбления, принижения конкретных наций. Среди социальных сетей можно найти выдуманные исторические факты о том, что осетины стали ближайшими соратниками Германии во время Великой Отечественной войны, еврейский народ является нацией поработителей, население Кавказа якобы «слабо» в исторической перспективе и др. Параллельно идет продвижение скинхедов, хотя изначально они не имели ничего общего с нацистской идеологией.

Подобные радикальные онлайн-объединения можно рассмотреть в качестве современной интерпретации теории воображаемых сообществ, созданной британским политологом Бенедиктом Андерсоном. Согласно исследованию, воображаемые сообщества – это представление о категории «нация», которая является социально сконструированным сообществом, воображенным людьми, воспринимающими себя как его часть. Рассматривая специфику онлайн-коммуникации, мы можем заметить схожие черты. Это связано с тем, что интернет-объединения также являются социально сконструированным сообществом, хоть они и сконструированы искусственным путем. Деятельность радикальных последователей редко предполагает личный контакт участников, тем не менее каждый из них четко осознает свою принадлежность к той или иной группе. Следовательно, это, с одной стороны, ограниченное объединение людей (даже несмотря на широкую онлайн-пропаганду), с другой – суверенное, так как стремится к своей автономии, чему способствует сетевая структура онлайн-площадок.

Заключение

Сетевая коммуникация между радикальными последователями и потенциальной аудиторией имеет разносторонний характер. Грамотное и умелое использование многочисленных инструментальных возможностей социальных сетей позволяет охватывать широкую аудиторию согласно критериям того или иного объединения. Структура «слабых связей» является базисом для автономного развития подобных групп, так как позволяет ограничить доступ к информации, а также мгновенно создать неограниченное количество копий сообществ на разных площадках в краткий промежуток времени.

Социальные сети имеют огромный потенциал воздействия на политическое сознание в рамках политики памяти гражданского общества, однако для успешной манипуляции радикальным элементам необходима система обоснований своих взглядов. Именно для этого экстремисты спекулируют политикой памяти в своих целях, что позволяет им создать двухцветный мир, резко абстрагируясь от общества в целом. В результате в социальных сетях появляются виртуальные исторические отражения, продиктованные пропагандисткой интерпретацией событий в прошлом. Важно обратить внимание на то, что риторика ведется в любых временных и качественных рамках, будь то религия, нация, конкретное историческое событие или даже вымышленные факты. Подобная технология позволяет успешно манипулировать рядовыми пользователями, а также находить оправдание односторонней агрессии к определенным группам гражданского общества. К сожалению, несмотря на многочисленные контролируемые методы государства, распространение экстремистской информации через социальные сети по-прежнему остается массовым явлением.

Библиография

1. Медушевский Н.А. Вспомнить все? Политика памяти современной Европы. М.: Издательские решения, 2020. 160 с.
2. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27.06.2002; одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10.07.2002. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/
3. Павлютенкова М.Ю. Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 3. С. 71-81.
4. Статистика социальных сетей в России. URL: https://livedune.ru/blog/statistika_socsetej_v_rossii
5. Тамбовские волки. URL: <https://vk.com/tambvol>
6. Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)». URL: <http://minsvyaz.ru/ru/documents/6010/>
7. Федеральный список экстремистских материалов. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/>

Speculation with memory policy methods by extremist elements in Russian social networks

Nikolai A. Medushevskii

Doctor of Political Science,
Professor at the Department of the culture of peace and democracy,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Lucky5659@yandex.ru

Tat'yana V. Tkachenko

Student,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6 Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Arspersone@mail.ru

Abstract

Memory policy is of strategic importance. The development and widespread use of its tools by power structures are caused by state goals. State structures have a wide range of possible implementations, however, in the modern information community, the global network provides great efficiency. During the high technological development, the information sphere becomes a basis for communication within civil society. This is facilitated by the pervasive function of the Internet. Integration of online communications not only on specific pages, but also among social networks, helps to create a new level of public policy, as it promotes instant information exchange. However, state structures have not yet developed a unified strategy of interaction within the framework of the memory policy, in contrast to public organizations and associations created by ordinary users. Special attention is paid to the activities of extremist organizations and actors on online platforms within the framework of the memory policy. The specifics of network interaction allow them to cover a majority percentage of the Internet audience. This process did not go unnoticed by state structures, therefore, there is a constant process of control and imposition of restrictions on information disseminated through social networks. Despite this fact, the technology of "weak ties", on which the communication of online platforms is based, allows extremist units to create new "nodes", while remaining incognito. Though memory policy is considered to be one of the directions in the state or international associations to create unity and integration, radical actors successfully use this technology to promote specific views and value models.

For citation

Medushevskii N.A., Tkachenko T.V. (2021) Spekulyatsiya metodami politiki pamyati ekstremistskimi elementami v rossiiskikh sotsial'nykh setyakh [Speculation with memory policy methods by extremist elements in Russian social networks]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 10 (4A), pp. 50-59. DOI: 10.34670/AR.2021.68.47.007

Keywords

Social networks, public policy, extremism, memory, memory policy.

References

1. *Federal'nyi spisok ekstremistskikh materialov* [The federal list of extremist materials]. Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> [Accessed 27/06/21].
2. Medushevskii N.A. (2020) *Vspomnit' vse? Politika pamyati sovremennoi Evropy* [Remembering everything? The memory policy of modern Europe]. Moscow: Izdatel'skie resheniya Publ.
3. *O protivodeistvii ekstremistskoi deyatel'nosti: feder. zakon Ros. Federatsii ot 25.07.2002 № 114-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 27.06.2002: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 10.07.2002* [On counteraction to extremist activities: Federal Law of the Russian Federation No. 114-FZ of July 25, 2002]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ [Accessed 27/06/21].

4. Pavlyutenkova M.Yu. (2015) Rol' i mesto sotsial'nykh setei v publichnoi politike [The role and place of social networks in the public policy]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political science], 3, pp. 71-81.
5. *Statistika sotsial'nykh setei v Rossii* [The statistics of social networks in Russia]. Available at: https://livedune.ru/blog/statistika_socsetej_v_rossii [Accessed 27/06/21].
6. *Tambovskie volki* [Tambov wolves]. Available at: <https://vk.com/tambvol> [Accessed 27/06/21].
7. *Utochnennyi godovoi otchet o khode realizatsii i otsenke effektivnosti gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii "Informatsionnoe obshchestvo (2011-2020 gody)"* [The updated annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program of the Russian Federation "Information society (2011-2020)"]. Available at: <http://minsvyaz.ru/ru/documents/6010/> [Accessed 27/06/21].